
Посольства из Рима в Россию конца XVI в.: проблемы языкового понимания

DOI 10.31168/91674-483-5.31

Посольства в Россию, направлявшиеся римскими папами в конце XVI в., во главе с Антонио Поссевино (1581–1582) и Александром Комуловичем (1595 и 1597 гг.), одной из главных своих целей имели склонить московских правителей к церковному единству, что акцентировало, с одной стороны, проблему языка литургии и церковных текстов, а с другой — адекватного понимания позиций сторон и предлагаемых документов, в том числе касающихся церковного устройства.

Среди сочинений, которые были использованы при подготовке посольств и затрагивали вопросы коммуникации, особое место занимали известные «Записки о Московии» австрийского дипломата, посланника Габсбургского дома Сигизмунда Герберштейна (1486–1566)¹, который посещал русские земли и подолгу жил в Москве в 1517 и 1536 гг. Выпущенные в середине XVI в.², «Записки» в течение долгого времени влияли на представления (в самых разных аспектах) о Московском государстве, в том числе и об особенностях общения на территории, где трудно было наладить диалог на понятном тогда для культурных слоев большей части Европы латинском языке.

¹ *Герберштейн Сигизмунд. Записки о Московии: В 2 т. / Под ред. А.Л. Хорошкевич. М., 2008. Т. I: Латинский и немецкий тексты, русские переводы с латинского А.И. Малейна и А.В. Назаренко, с раннего верхненемецкого А.В. Назаренко.*

² Первое латинское издание — *Rerum Moscoviticarum Commentarii Sigismundi liberi Baronis in Herberstain...* Wien, 1549; первое издание немецкого варианта — *Moscovia der Hauptstadt in Reissen durch Herrn Sygmunden Freyherrn zu Herberstain...* Wienn, 1557.

Герберштейн, происходивший из знатной немецкой семьи, владения которой располагались в Крайне (на территории современной Словении), специально отмечал, что успеху его предприятия способствовало как усердие в его разысканиях, так и «благодетельное» знание славянского языка (*slavonicae linguae*), который он учил еще в детстве, несмотря на насмешки сверстников. При этом он отмечал, что народ, называющий себя *Russi*, а по-латыни именуемый *Rhuteni*, говорит на «славянском языке»³. Герберштейн подчеркивал тождество «славянского языка» с русским и московским (*cum Rhutenica et Moscovitica eadem est*)⁴, отмечая вместе с тем, что русские, как и всякий другой народ, «имеют особый выговор» (*pronunciandi morem habet*), без знания которого невозможно ни свести с ними знакомство, ни получить необходимой информации⁵.

Приводимый Герберштейном список народов, говорящих на одном, славянском языке, причислявших себя к славянам и располагавшихся на обширной территории от Адриатического и Черного морей до Балтики, во многом совпадал с употребительными в европейских исторических сочинениях того времени перечнями⁶. Между тем термин «славянский» (*slavonica*) язык, или в немецком варианте *windisch*⁷, использовался им для обозначения как «славянского» в широком смысле, так и местного крайнего диалекта (условно говоря, словенского). Такое двойственное значение терминов *Slavi* (*Slavi*), *Sclavonia* (*Slavonia*), *lingua Slavonica* и т.п. было распространено в далматинских и хорватских источниках средневекового времени в отношении населения северо-западных Балкан, с одной стороны,

³ Герберштейн. С. 36–37.

⁴ Там же. С. 30–31.

⁵ По замечанию Герберштейна, он сознательно воспроизводил «русские» (*cum Rhutenicis vocabulis*) географические названия, имена, некоторые термины и составил небольшое пояснение особенностей фонетических соответствий некоторых букв и их сочетаний в латинской транскрипции (Герберштейн. С. 30–33).

⁶ Один из удачных примеров анализа различных вариантов этого списка в европейской историографии: *Мыльников А.С.* Картина славянского мира: взгляд из Восточной Европы. Этногенетические легенды, догадки, прототипотезы XVI — начала XVIII века. СПб., 1996. С. 95–127.

⁷ Герберштейн отмечал особенности употребления «славянской» терминологии немецкими авторами, которые, «пользуясь именем одних только вандалов (*Vuandalis*)», называют всех славян *Vuenden*, *Vuinden*, et *Vuindisch* (Герберштейн. С. 36–37). Действительно, в ряде современных Герберштейну немецких трактатов говорится о связи вандалов и славян. Один из наглядных примеров — трактат Альберта Кранца «Вандалия» (*Krantz A. Wandalia. Coloniae, 1519*), в котором автор возводил родословную славян к мифическому Вандалу.

и всех славян — с другой. Такое же двойственное значение имела здесь «иллирийская» терминология, синонимичная «славянской»⁸.

Именно она использовалась в записках о Московском царстве Паоло Джовио (Павла Иовия), составленных на основе услышанного им от Дмитрия Герасимова — участника посольства великого князя Василия III к престолу папы Климента VII (1525), направленного в Рим для выяснения вопроса о возможном участии в антиосманской коалиции⁹. Этому сочинению также отдавалось предпочтение как источнику информации о России при подготовке посольств. Как и Герберштейн, Джовио пишет о славянском языковом единстве, используя при этом иную терминологию. Здесь упоминается «иллирийский» (*illyricus*) толмач Николай Сиккский, переводивший на латинский послание Василия III во время приема в Ватиканском дворце¹⁰. Рассказывается и о русском языке, который для Джовио не отличается от языка других славян: москвиты, писал Джовио, как и другие славяне (*Slavi*), употребляют «иллирийский язык и иллирийские письма» (*Illyrica lingua, Illyricisque literis*); утверждают, продолжает он далее, что «этот язык самый распространенный изо всех» и на него переведено множество священных книг, «главным образом усердием святого Иеронима и Кирилла»¹¹. В ссылке на Джовио Поссевино корректирует его лингвистическую номенклатуру: Джовио, по его мнению, считал язык жителей Московии «славянским» (*Slavicam*)¹² — и подтверждает тем самым тождественность «славянского» и «иллирийского».

Текст Джовио примечателен тем, что он отсылал к определенной хорватско-далматинской культурной традиции и свидетельствовал о распространении ее в Риме первой четверти XVI в. На подчиненных Риму хорватских церковных территориях с XV в. было распространено не только католическое латинское богослужение, но в ряде территорий также литургия на церковнославянском языке в его хорватской редакции по текстам, записанным глаголицей и восходящим к кирилло-мефодиевской традиции, а также нелитургическая глаголическая

⁸ Наиболее полная подборка двойственных значений этнической терминологии на территории Хорватии, Далмации и Славонии в Средние века и раннее Новое время в: *Fine J.V.A. When Ethnicity Did Not Matter in the Balkans. A Study of Identity in Pre-Nationalist Croatia, Dalmatia, and Slavonia in the Medieval and Early-Modern Periods*. Ann Arbor, 2006.

⁹ *Pavli Iovii Novocomensis Libellus de legatione Basilii Magni Principis Moschoviae ad Clementem VII Pontificem Maxium*. . . Roma, 1525; Книга о московитском посольстве // Барон Сигизмунд Герберштейн. Записки о московитских делах; Павел Иовий Новокомский. Книга о московитском посольстве / Пер. А.И. Малейна. СПб., 1908. С. 251–275.

¹⁰ *Pavli Iovii Libellus*. L. B; Книга о московитском посольстве. С. 255

¹¹ *Pavli Iovii Libellus*. L. E; Книга о московитском посольстве. С. 270–271.

¹² Цит. по изданию: *Antonii Possevini, Societatis Iesu, Moscovia et alia opera*... Coloniae, 1595. P. 4.

книжность. По местной легенде, впервые зафиксированной в XIII в., хорваты получили эту письменность и соответствующие церковные тексты от св. Иеронима¹³. Этот факт был принят Римской церковью и на этом основании здесь были разрешены церковнославянские службы, т.е. принятые в православной церкви. Такое разрешение выдавалось папой Евгением IV (1431–1447), как свидетельствовал его секретарь и историк Флавио Бьондо¹⁴. Хотя нет других источников, этот факт подтверждающих, ссылка на распоряжение Евгения IV присутствовала впоследствии и в соответствующих папских реляциях, и в дискуссиях об использовании в службах церковнославянского языка хорватской редакции, в том числе и на Тридентском соборе 1545–1563 гг.¹⁵

Со второй половины XV в. Рим стал важным центром хорватской культуры. Сюда прибывали священники из хорватских и далматинских областей, находившихся под властью Австро-Венгрии и Венеции, а также с захваченных турками территорий. Они объединялись в национальную конгрегацию с центром в церкви, посвященной св. Иерониму. Это общество, предназначенное для «nationis Illlyricorum», также получившее имя св. Иеронима, находилось в рассматриваемое время под покровительством одного из кардиналов и было одним из целого ряда национальных коллегий, организованных иезуитами в Риме после Тридентского собора. В 1599 г. распоряжением папы Климента VIII в Риме была также учреждена Иллирийская академия, или Академия иллирийского языка (*Academia linguae Illlyricae*). Членом общества св. Иеронима (с 1576), а также, после организации в 1589 г. капитула церкви св. Иеронима, его первым архипресвитером был Александр Комулович (*Comuleo, Comulis*) (1548–1608), происходивший из патрицианской фамилии города Сплита в Венецианской Далмации. В венецианских и римских источниках он выступал и как «славянин» (*Alessandro Schiavone*), и как «далматинец» (*Alessandro Dalmata*)¹⁶.

¹³ Об этой легенде и ее развитии см.: *Bogović M. Okolnosti pojave i razvoja glagoljice na hrvatskom području do 1248 godine // Glagoljica i hrvatski glagolizam. Zagreb; Kraków, 2004. S. 248–260; Акимова О.А. Развитие представлений о славянской общности: роль хорватско-глаголической исторической традиции // Slawische Geisteskultur: ethnolinguistische und philologische Forschung. Frankfurt-am-Main, 2016. Т. 2; *Verkholantsev J. The Slavic Letters of St. Jerome: The history of the legend and its legacy, or, How the translator of the Vulgate became an apostle of the Slavs. DeKalb, 2014.**

¹⁴ *Biondo Flavio's Italia illustrata: Text, Translation and Commentary. V. 1: Northern Italy / Ed. by J. Catherine. Castner. Binghamton. New York, 2005. P. 224, 226.*

¹⁵ О влиянии хорватскоглаголических представлений на споры и решения по этому вопросу Тридентского собора: *Thomson F. The influence of the Slavo-Latin (Glagolitic) rite on the decision of the Council of Trent about the use of the vernacular in the liturgy // Glagoljica i hrvatski glagolizam. Zagreb; Kraków, 2004. S. 295–308.*

¹⁶ См.: *Fine J.V.A. When Ethnicity. P. 235.*

Принимая в расчет особенности хорватской письменной культуры, определяющиеся прежде всего распространением церковнославянских литургических текстов, ее срединное положение между христианским Западом и христианским Востоком, в Риме в течение долгого времени поддерживали и направляли деятельность общества св. Иеронима, связанную с унификацией славянских церковных книг, письменности и языка, целью которой было приведение славян восточного обряда к единству по вере¹⁷. В конце XVI — начале XVII в. авторы, связанные с обществом, активно занимались поисками общего литературного языка как для разделенного на диалекты населения северо-западных Балкан, так и для славян вообще, единство которых также постулировалось в соответствующих языковых проектах, связанных с написанием словарей, изданием переводных и оригинальных текстов. Основой такого языка выступали различные диалекты хорватского, прежде всего штокавский (литературный вариант которого формировался прежде всего в дубровницкой литературе эпохи Возрождения) и чаковский.

Почерпнутые в историографии представления о славянских языках, а также воззрения, развивавшиеся в кругах, близких обществу св. Иеронима, сыграли немаловажную роль при выполнении римского посольства в Россию в 1581–1582 гг. под водительством папского легата иезуита Антонио Поссевино, что нашло отражение в его сочинениях о Московии¹⁸. Посольство было организовано после обращения Ивана IV (1580) к папе Григорию XIII, а также к германскому императору и чешскому королю Рудольфу II с просьбой содействовать в мирных переговорах с польским королем Стефаном Баторием, которые были осложнены неудачами России в Ливонской войне. Российская сторона обосновывала свой шаг необходимостью сплочения в борьбе с турками¹⁹.

В Риме со всей поспешностью было сформировано посольство во главе с Поссевино, основной целью которого было склонить русского царя к единению христианских церквей как необходимой основе ан-

¹⁷ Деятельности общества св. Иеронима посвящены многочисленные работы. См. библиографию в: *Krasić S. Počelo je u Rimu. Katolička obnova i normiranje hrvatskog jezika u XVII. st. Dubrovnik, 2009. S. 514–532; Mandušić I. Bibliografija radova o Bratovštini sv. Jeronima u Rimu // Croatica Christiana Periodica. Zagreb, 2006. Br. 57. S. 197–203.*

¹⁸ Основной труд Поссевино на эту тему — «Московия» — вышел первым изданием уже в 1586 г. (*Antonii Possevini Moscovia. Vlnae, 1583*), а затем переиздавался вместе с другими сочинениями на эту тему. Перевод на русский язык — *Поссевино А. Исторические сочинения о России XVI в. / Пер., вступ. ст. и коммент. Л.Н. Годовиковой. М., 1983. Издание содержит переводы трактатов «Московия», «Московское посольство», «Ливония» и дипломатическую переписку Поссевино.*

¹⁹ Памятники дипломатических сношений. СПб., 1891. Т. 10. С. 11.

тимусульманской консолидации²⁰. Для этого, по замыслу папы Григория XIII, должны были быть возрождены идеи унии, заключенной в 1439 г. между латинской и греческой церковью на Флорентийском соборе с признанием вселенской юрисдикции папы Римского и закрепленной тогда же буллой папы Евгения IV (*Laetentur coeli*).

Сообщая 15 марта 1581 г. Ивану IV об организации посольства, папа Григорий XIII для обоснования правомерности идеи единой церкви во главе с римским первосвященником апеллировал к соответствующему декрету Флорентийского собора и сообщал, что с посольством царю был отправлен труд о Флорентийском соборе, предназначенный для прочтения и изучения²¹. Однако идея использования материалов Флорентийского собора натолкнулась на языковые препятствия. «Греческий язык им недоступен, так что нет никакой пользы от свода Флорентинского собора, изданного на греческом языке, который я передал в крепости Старице на реке Волге от имени Вашего святейшества этому государю, — пишет, обращаясь к папе, Поссевино, — ...там нет никого, кто понимал бы этот язык». В дар царю была привезена и булла о единении церковей Евгения IV, которую Поссевино передал кардинал Джулио Сантори, архиепископ Санта Северины, но и она «не могла быть полезной, хотя была написана по-латыни, по-гречески, а также по-русски (*ac Ruthenicè*)»²². Латинский, как и греческий, оказался здесь плохо понятен: Поссевино называет трех переводчиков Посольского приказа, кто только и был знаком здесь с латынью, — двух из Польши и одного из Валахии, да и те переводили зачастую «без всякого смысла». Что касается «русского» перевода грамоты, то с ним также случилась неудача: переводчик буллы на «русский» (*Ruthenicè*), по словам Поссевино, не знал особенностей «московитского» языка (здесь говорилось о «*linguam omnino Moscoviticam*»), но предоставил некую мешанину из хорватского и боснийского языков (*mixtam aliquam ex Bossinensi ac Croatica*)²³.

Говоря о возможном переводчике этого текста, нужно иметь в виду следующее обстоятельство. В ведении кардинала Сантори находились земли «Иллирика», т.е. хорватские, далматинские и отчасти боснийские территории западных Балкан. В его подчинении был и Александр Комулович, возглавлявший в то время общество св. Иеронима. В конце XVI — начале XVII в., как и другие входившие в общество хорватские и далматинские священнослужители, он

²⁰ В тайной инструкции, полученной Поссевино, эта задача посольства выступала в качестве главной: *Turgenev A.J. Historica Russiae monumenta, ex antiquis exterarum gentium archivis et bibliothecis deprompta. Petropoli, 1841. T. 1. P. 299–305.*

²¹ Памятники дипломатических сношений. С. 80–85; *Поссевино А. Исторические сочинения. С. 90–91.*

²² *Поссевино А. Исторические сочинения. С. 28; Possevini Moscovia. P. 4.*

²³ *Ibid.*

был вовлечен в поиски единого славянского языка, переводческую и издательскую деятельность, которая велась при поддержке папы и опекавших деятельность общества кардиналов. Так, в 1582 г. им был издан в Риме катехизис «Науки христианской» «для славянского народа» в переводе «на собственный язык»²⁴ в штокавском варианте хорватского²⁵. Именованье этого общего славянского языка «иллирийским» нашло отражение в приводимом Комуловичем на титуле итальянском переводе названия — «Dottrina christiana per natione illirica nella propria lingua». Представление об «иллирийском» как общеславянском и территории его распространения наглядно демонстрирует поздравительное послание хварского епископа Петра Цедулини, направленное папе Клименту VIII в 1592 г. от имени всех стран и земель «иллирийского языка» в связи с избранием того на папский престол. Здесь сообщается, что lingua Illyrica охватывает обширную область, в которую Цедулини включает южнославянские и паннонские земли, Богемию, Польшу, восточнославянские территории, «пространную империю русских», имея в виду Московское царство, и ряд других земель²⁶. В речи Цедулини, обращенной к папе в 1594 г. и посвященной организации сопротивления туркам, также говорилось об идентичности языка москвитов «иллирскому, или славянскому»²⁷. Таким образом, булла папы Евгения была переведена на язык, который, с этой точки зрения, должен был быть понятен русским. Сам же перевод, по всей видимости, был сделан кем-то из общества св. Иеронима в Риме, окружения Комуловича или же им самим²⁸.

В Боснии на территории хорватского проживания располагалась францисканская провинция *Bosna Argentina*, с которой также связана деятельность по переводу катехизисов, миссалов и прочих текстов. Уже с начала

²⁴ Navch charstianschi za slovignschi narod v vlasti iazich. Po pochtovanomu gospodinu do Lexandru Comulovichia canonichu i vlastelinu Splitskomu. Roma, 1582. См.: Štefanić V. Bellarmino-Komulovićev kršćanski nauk // Vrela i prinosi. Zagreb, 1938. Br. 8. S. 1–50.

²⁵ Комулович происходил из Сплита, так что родным для него был чакавский диалект.

²⁶ «Tredecim enim regna vel provincias latissimas lingua Illyrica possidet: Thraciam, Mysiam, Macedoniam, Bosnam, olim proprie Illyricum, Daciam, immensam illam camporum plagam, quae inter Istrum et Boristhenem fluviis jacet, Pannonias, Croatiam, Istriam Carmam, Bohemiam, Poloniam, Rusciam et vastum Ruthenorum imperium, Noricum omne, quod nunc Austria dicitur» (Fontes historici liturgiae glagolito-romanae a XIII ad XIX saeculum / Collegit, digessit et indice analytico instruxit L. Jelić. Kraków, 1906. Fontes... XVI saeculum. P. 39–40).

²⁷ Некоторые сведения об этом тексте и факсимильное его воспроизведение в: Govori protiv Turaka / Ur. V. Gligo. Split, 1983. S. 57.

²⁸ Ср.: *Trstenjak T.* Aleksandar Komulović kao mogući uzor Jurju Križaniću u politici i crkvenom jedinstvu // Zbornik Zavoda za povijesne znanosti. Zagreb, 1986. V. 14. S. 289.

XVI в. в Венеции для католиков этой территории издаются кириллические книги, напечатанные так наз. боснийским шрифтом. Так что упоминание в тексте Поссевино «боснийского» языка не было случайным.

Трудности в понимании русскими славянских текстов и в общении с москвитами Поссевино объяснял тем, что они не знают «славянско-го (Slavicam)» языка, употребляя исключительно свой «московитский» язык, схожий с тем, которым пользуются «русские (Rutheni), подданные польского короля». Церковные службы они тоже проводят «на русском (Ruthenice) или, скорее, на московитском (Moscovitica) языке»²⁹. Между тем славянский «настолько близок к польскому и русскому, что священник, славянин по национальности (Slauŭ)», которого Поссевино оставил в Москве на время своих переговоров в Польше, «уже очень скоро стал многое понимать из московитского языка, хотя, напротив, москвиты с большим трудом, по-видимому, понимали по-славянски»³⁰. Поссевино как о «славяnine» говорит здесь об участнике посольства, загребском священнике хорвате Степане Дреноци, который именуется в источниках также Drenockij, Drenosij и т.д., так что под «славянским» языком здесь понимается как «хорватский», так и «славянский» в широком значении. О Дреноци известно немного. Он был иезуитом, в орден вступил в Брно. В Москву он был послан заранее, и ему была выдана инструкция о поведении, об обхождении со знатыми персонами и священниками и пр.³¹ После возвращения из Москвы в 1582 г. был определен в Польшу, но тогда же по его собственной просьбе, но по неясной причине отпущен из ордена тогдашним генералом ордена Клаудио Аквавиво. Впоследствии он был каноником в Венгрии и умер во время чумы 1586 г.³²

То, что булла папы Евгения IV была переведена на непонятный русским язык, заметил именно Дреноци, которого, по замечанию Поссевино, он «вывез из Австрии», и еще один участник посольства, Иоанн Павел Кампанья, «из русских земель, находящихся под властью польского короля (ex regis Poloniae Russia)». Они же повторно перевели буллу Евгения IV, а также символ веры, составленный папой Пием IV (так наз. Тридентский символ веры), «на современный русский язык»³³.

²⁹ Possevini Moscovia. P. 4.

³⁰ Поссевино А. Исторические сочинения. С. 28; Possevini Moscovia. P. 4.

³¹ Turgenev A.J. Historica Russiae monumenta. T. 1. Suppl. P. 9–20. Анализ этого текста: Polčín S. La mission religieuse du père Antoine Possevin S.J. en Moscovie. Roma, 1957. P. 17–22.

³² Биографические сведения о Дреноци рассматриваются в работе: Korade M. Stjepan Drenocy u misiji sjedinjenja kršćana (1581–1582) // Homo imago et amicus Dei, Miscellanea in honorem Joannis Golub. Romae, 1991. S. 452–457.

³³ «...in Ruthenicum idioma quali hodie utuntur» — Possevini Moscovia. P. 5.

Поссевино намеревался как можно скорее издать эти тексты в Вильно, чтобы они были доступны на территориях, принадлежавших и польскому королю, и московскому правителю.

Поссевино пишет о сложности общения посольства с царем и его боярами. Русские переводчики, все поляки, отмечает он, переводили, искажая в угоду царю смысл сказанного, прежде всего по религиозным вопросам, переиначивали латинские письменные документы, к переговорам не допускались переводчики посольства и пр.³⁴ Рассуждая в целом об особенностях организации как будущих посольств в Московию, так и предполагаемой просветительской работы на русских территориях и обобщая свой опыт, Поссевино преимущественное внимание отводит проблемам языка. Сетуя на то, что Иван IV не отпускает своих подданных для усвоения наук за границу, он предлагает организовать обучение взятых в плен во время Ливонской войны людей из Московии в семинариях — как на территории Речи Посполитой, так и в чешских землях, учитывая близость языков. Отмечаемое Поссевино незнание или плохое знание русскими латинского и греческого приводит его к мысли как о необходимости «обучать народ языку», так и об издании книг «на их языке и их буквами (eo idiomate et caractere)»³⁵. Более того, он приходит к принципиальному заключению о том, что жителей Московии нельзя заставить отказаться от богослужения на их языке, заменив его латинской литургией или добившись разрешения вести богослужения на греческом, и потому считает необходимым проверить корректность используемого здесь перевода из Ветхого Завета и евангелий³⁶. Вывод автора о перспективах подобной деятельности и возможностях будущих посольств для убеждения в объединении церковей в целом неутешителен, поскольку,

³⁴ Такое пренебрежительное отношение было характерно именно для римских посольств. Описание приема при московском дворе австрийских посольств 1589, 1593 и 1594 гг., направленных от имени императора Рудольфа II под руководством Николая Варкоча, с которыми в России связывались надежды на выгодное решение некоторых польских проблем, рисуют иную картину: Описание путешествия в Москву посла Римского императора Николая Варкоча с 22 июля 1593 года / Подг. А. Шемякин // Чтения в императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. 1874. М., 1875. Октябрь–декабрь. Кн. 4; Донесение австрийского посла о поездке в Москву в 1589 году / Вступ. ст. и коммент. Л.П. Лаптевой // Вопросы истории. 1978. № 6. С. 98–112. Это относится прежде всего к описанию посольства 1593 г. (особенно что касается работы переводчиков), оставленного одним из его участников.

³⁵ *Поссевино А.* Исторические сочинения. С. 36; *Possevini Moscovia*. P. 8. Поссевино предполагал вести издательскую деятельность в ливонских городах, выказывая тем самым заинтересованность в неуспехе России в Ливонской войне.

³⁶ *Possevini Moscovia*. P. 7.

пишет он, ему вообще неизвестен такой человек, который понимал бы язык московитов, знал бы греческий и латинский языки и имел бы прочные знания в богословии³⁷.

Но, видимо, именно эти требования учитывались папой Климентом VIII при формировании посольства 1595 г., которое проходило уже при других действующих лицах как на московском и польском престолах, так и в Риме, при самостоятельном московском патриархе (1589), а также в условиях активных и успешных военных действий турок. Папа Климент VIII с начала своего понтификата (1592) направлял свои дипломатические усилия на создание действенной антиосманской коалиции европейских правителей. Посольство 1595 г. было организовано по сути с теми же главными целями, что и миссия Поссевино, — привлечение московского правителя (в данном случае — Федора Иоанновича) к антитурецкой коалиции и к церковной унии. Во главе посольства был тогда поставлен Александр Комулович³⁸. Почему выбор пал именно на него, папа Климент раскрывал в направленном Комуловичу в январе 1594 г. послании с инструкциями по поводу посольства³⁹: «Вероятно, еще не случалось со времен установления в этой земле христианской веры, чтобы был послан туда от Святой Столицы человек, который знал бы язык и был бы столь ученым, как вы. И если получится заговорить об объединении этого народа с католической церковью, у вас, который хорошо разбирается в материале, не будет недостатка в доказательствах»⁴⁰. Комуловичу предписывалось убедить русских перейти под духовную власть римского епископа как главы вселенской церкви, поскольку константинопольский патриарх находится в руках неверных, покупая у них свой титул.

Говоря о необходимости привлечения московского правителя к антитурецкому союзу, папа Климент приводил аргументы, которыми можно было бы его завлечь. Он, в частности, подчеркивал, что в случае успеха Константинополь попал бы в его руки, а он принадлежит ему по наследственному праву. Своими успехами он может снискать славу всего христианского мира, народы освободятся от турецкого рабства, а они, надо помнить, подчеркивает папа, «по вере и языку»

³⁷ *Поссевино А.* Исторические сочинения. С. 34; *Possevini Moscovia*. P. 7.

³⁸ Письма и донесения Александра Комуловича, а также документы о его деятельности собраны в работах: *Pierling P., Ražki F.* Komulovića izvjestaj i listovi o poslanstvu njegovu u Tursku, Erdelj, Moldavsku i Poljsku // *Starine JAZU*. Zagreb, 1882. Knj. 14. S. 83–124; *Pierling P.* Novi izvori o Komuloviću // *Starine JAZU*. Zagreb, 1884. Knj. 16. S. 210–251; *Fermendžin E.* Prilozi k poznavanju diplomatskog poslanstva Aleksandra Komulovića među Slavene od g. 1593. do 1597. // *Starine JAZU*. Zagreb, 1918. Knj. 36. S. 7–30.

³⁹ *Fermendžin E.* Prilozi. S. 22–28.

⁴⁰ *Ibid.* S. 27.

родственны его народу и с нетерпением ждут от него освобождения⁴¹. Из этих аргументов видно, что папе были известны доклады Комуловича о положении славянских народов на турецких территориях, которые тот посещал в течение ряда лет до того с миссионерскими и, видимо, разведовательными целями.

Имеется отчет Комуловича⁴² о его пребывании в Сербии, Болгарии, Македонии и других землях Юго-Восточной Европы в 1584–1587 гг., представленный папе Сиксту V⁴³, где он говорил о возможности распространения тут влияния Римской церкви, но более всего его занимал вопрос о количестве мужского населения, способного на вооруженную борьбу с турками, и эти, явно преувеличенные, данные по областям и в целом были им предоставлены. Они сообщались в связи с разработкой им основанного на его собственных впечатлениях плана освобождения этой территории. Приоритет в нем отдавался действиям московского правителя, с которым требовалось заключить союз⁴⁴. Комулович полагал, что большая часть православных народов, находившихся в подчинении у турок, ждет правителя одного с ними рода и языка с нетерпением, и их мужское население с готовностью присоединится к его войску, так что общее количество вставших под ружье может составить 500–600 тысяч человек, которые смогут беспрепятственно дойти до Константинополя и в три дня взять его, после чего московский правитель с легкостью отвоюет все европейские владения турок. Комулович был не одинок в апологии русского царя как возможного освободителя балканских славянских народов от турецкой зависимости. Подобные взгляды, основанные на единстве веры и языка, имели хождение в близких обществе св. Иеронима кругах⁴⁵.

Предыстория же московской миссии Комуловича была такова. В начале 1594 г., имея соответствующее предписание от Климента VIII, он был направлен из Рима через Вену в Польшу для исследования вопроса об антиосманской лиге с правителями этой части Европы⁴⁶.

⁴¹ Ibid.

⁴² Текст анонимен, но в литературе высказывается единодушное суждение об авторстве Комуловича.

⁴³ *Pierling P., Ražki F. Komulovića izvjestaj*. S. 86–87.

⁴⁴ В 1594 г. Комулович в посланиях в Рим из Польши также развивал идею о возможности и необходимости вовлечения России в антиосманское движение в качестве одного из основных участников — *Pierling P., Ražki F. Komulovića izvjestaj*. S. 115–120, 122–123; *Pierling P. Novi izvori*. S. 232.

⁴⁵ См., например, уже цитированное обращение к папе Клименту VIII хварского епископа Петра Цедулини 1594 г. — *Govori protiv Turaka*. S. 57.

⁴⁶ *Pierling P., Ražki F. Komulovića izvjestaj*. S. 89.

В одном из донесений из Кракова в декабре 1594 г. он писал о желательности дипломатических усилий, направленных на организацию поездки в Москву трех послов — австрийского, польского и от папского престола в Риме, чтобы оказать большее влияние на Россию для ее вступления в лигу⁴⁷. Очевидно, ему было известно о желании царя Федора видеть в Москве послов европейских правителей для переговоров об антиосманском союзе, которое было высказано в том же году в ходе австрийского посольства, направленного в Москву императором Рудольфом II во главе с посланником Николаем Варкочем⁴⁸.

Когда обнаружили непреодолимые противоречия между польским королевством и австрийскими Габсбургами и нежелание Польши участвовать в совместных действиях стало очевидным⁴⁹, миссия Комуловича, по распоряжению папы, была расширена на Россию. Он прибыл в Москву ранней весной 1595 г. с письмом Климента VIII и дарами. Очевидно, в Риме, несмотря на прописанные в инструкции папы важные цели посольства, не надеялись на достижение им заметных результатов. Об этом говорит скромность привезенных даров и недвусмысленное предписание папы оправдать ее «дальней дорогой» и пообещать, что в случае успешных переговоров Святая Столица направит в Москву «более значимое посольство и богатые дары (più solenne Ambesceria et più ricchi doni)»⁵⁰. Нет данных о том, насколько верно в Москве понимали Комуловича, поскольку не осталось, а может быть, и не было записок о посольских миссиях 1590-х гг. Известно лишь, что Комулович был принят Борисом Годуновым, но без видимых результатов, и неслучайно той же весной он вернулся в Польшу.

Во время пребывания Комуловича в Речи Посполитой произошли события, связанные с заключением епископами Западно-русской митрополии унии с католической церковью и проведением собора в Бресте в 1596 г. Принятие тогда киевским митрополитом Рогозой и рядом западнорусских епископов католичества и власти римского папы, при сохранении литургической традиции на церковнославянском языке, вполне отвечало представлениям хорватского и далматинского клира, связанного с коллегией св. Иеронима в Риме. Доказательств прямого участия Комуловича в событиях, приведших к заключению Брестской унии, нет; имеется лишь одно косвенное

⁴⁷ Ibid. S. 115–120.

⁴⁸ *Turgenev A.J. Historica Russiae monumenta. Petropoli, 1842. T. 2. P. 32–45.*

⁴⁹ Об этом говорилось в сообщении, отправленном Комуловичем в Рим 17 января 1594 г.: *Pierling P., Ražki F. Komulovića izvjestaj. S. 122–123.*

⁵⁰ Комуловичем были привезены небольшой крест с греческой надписью, украшенный изумрудами, и небольшая корона, очевидно, из горного хрусталя (*Fermendžin E. Prilozi. S. 23.*)

сообщение, касающееся поездки в Рим представителей западнорусского епископата в ноябре 1595 — марте 1596 г. Папский нунций в Речи Посполитой Маласпино сообщал в донесении от ноября 1595 г., что в течение нескольких недель он не получал ответа от Комуловича на его письмо, в котором высказывалось пожелание, чтобы именно он сопровождал в Рим епископов (*per condurre questi vescovi a Roma*) для представления их Клименту VIII. А для этого он должен был явиться из Вильно в Краков⁵¹. Но, очевидно, так и не явился.

Брестская уния и предшествовавшие ей события до крайности осложнили отношения России и Рима. В Риме, видимо, считали организацию в этих условиях нового посольства делом вполне бесперспективным и отнесли к очередной миссии, которая готовилась с мая 1596 г., как к необходимой формальности. Ранг посольства не был повышен, по-прежнему его возглавлял Комулович⁵², которому для удешевления поездки был придан лишь один человек, а само посольство было присоединено к миссии императора Рудольфа II с бургграфом Авраамом фон Донау во главе. Очевидно, таким совмещением желали обеспечить римскому послу более сносный прием в Москве. Но когда Комулович прибыл в Москву из Вильно в сентябре 1597 г., его сразу отделили от остальных членов делегации, на какое-то время поместили под замок и морили голодом. В донесениях Маласпино из Варшавы содержатся подробности злключения Комуловича: «Отношение к монсьёру Комулео не отвечает достоинству Святой столицы. Ему запретили всякие встречи, разговоры и переговоры, только через посредников»⁵³. Разбирая позднее подоплеку такого неуважения, папский нунций называет и основную его причину: «Он был обвинен московским правителем в том, что будто бы он и есть автор соединения рутенов со святой столицей»⁵⁴. Иными словами, его уличили в том, что он инициировал заключение Брестской унии в 1596 г., но детали этого обвинения неизвестны.

Несмотря на неуспехи на дипломатическом пути, Комулович по возвращении в Рим продолжил литературные изыскания, направленные на создание текстов религиозного содержания для всех славян на понятном им всем языке, в качестве которого у него выступал хорватский. Так, широкую известность приобрел выполненный Комуловичем в 1603 г. перевод краткого катехизиса Роберто Баллармина (1597) на чакавский вариант хорватского. В названии книги подчеркивалась инициатива в его издании папы Климента VIII и «славянский язык (*Yasich Slovinschi*)»

⁵¹ *Lettere nuntiorum apostolicorum historiam Ucrainae illustrantes*. Romae, 1959. V. 2. P. 74 (*Analecta OSBM*. Ser. 2).

⁵² См.: *Trstenjak T. Aleksandar Komulović*. S. 236–237.

⁵³ *Lettere nuntiorum*. P. 138.

⁵⁴ *Ibid.* P. 142.

перевода⁵⁵. На титульном листе были отмечены инициативные заслуги в издании книги кардинала Пьетро Альдобрандини (1572–1621)⁵⁶, который назывался «защитником славянского народа» (*protechtura naroda slovinskogo*), а также содержалась обращенная к Богу просьба благословить «Его славянский род» (*Vaš slovinski roj*). Комулович был также активным преподавателем языка в Иллирийской академии в Риме. Согласно его завещанию, он оставил половину своих средств на поддержание деятельности Академии, и прежде всего на покупку печатного прессы для издания книг «*lingua illirica*»⁵⁷.

Через несколько десятилетий после посольств конца XVI в. их неудачный опыт был проанализирован Юраем Крижаничем (ок. 1617 — 1683), тогда совсем молодым человеком. В 1641 г. им была составлена записка, адресованная префекту Пропagанды веры кардиналу Антонио Барберини, в которой содержался план его поездки в Москву⁵⁸. Она была написана под влиянием сведений и суждений из сочинений Герберштейна, Поссевино и других авторов и одновременно в полемике с ними; кроме того, в ней развивались некоторые положения, высказанные Александром Комуловичем и его единомышленниками. Крижанич был связан как с коллегией св. Иеронима, так и с греческой коллегией в Риме, где изучал греческий язык. Он не видел необходимости в переходе русских от греческого обряда к римскому и от «русского языка» литургии к греческому или латинскому, но считал первостепенной задачей проверку и исправление греческих богослужебных текстов. Для выявления ошибок он полагал важным владение «славянским» языком, под которым подразумевался хорватский и, вероятно, церковнославянский хорватского извода, а чтобы уметь растолковать эти ошибки, он изучал московскую речь. В московском царе он видел защитника всех славян, способного одолеть турок, полагая, что болгары, сербы и другие народы поднимутся на борьбу из почитания государя одного с ними рода и языка.

⁵⁵ Navch charstyanschi chratach sloxen po naredyenyu Sfetoga Oca pape Chlementa osmoga... Istumacen po Ocu Alexandru Chomulovichia Popu u Yasich Slovinschi... In Roma, 1603.

⁵⁶ Пьетро Альдобрандини был одним из кардиналов, привлеченных папой Климентом VIII к работе Иллирийской академии. — *Krasić S.* Počelo je u Rimu. S. 205.

⁵⁷ Завещание Комуловича см. в работе: *Trstenjak T.* Četristota obljetnica katekizma Aleksandra Komulovića // *Vrela i prinosi.* Zagreb, 1982. № 13. S. 171–172.

⁵⁸ Оригинал на итальянском языке и русский перевод: Записка Юрия Крижанича о миссии в Москву 1641 г. / Предисл. и примеч. П. Пирлинга. М., 1901.